

Концепция Хусаина Фаизхана по проблеме этногенеза татарского народа

Одной из особенностей татарского просветительского движения было обращение к проблеме этногенеза татарского народа. Х. Фаизхан, как и Ш. Марджани и К. Насыри, уделил ей большое внимание. Это было вызвано рядом объективных причин.

Во второй половине XIX в. для татарской духовной культуры наступила эпоха Нового времени. В связи с этим на передний план выдвинулась задача определения исторического места татарского народа среди других цивилизованных народов мира. То был период сложения татарской нации и пробуждения национального самосознания, зарождения прослойки предпринимателей-меценатов, осознающих себя частью татарского народа.

Значительная часть татарского духовенства утверждала, что татары не являются самостоятельным народом, а входят в единую мусульманскую нацию. Татарские предприниматели, стремившиеся обосновать величие современных татар, придерживались идеи тождества казанских татар и Чингизидов.

На страницах русской печати второй половины XIX в. по проблеме этногенеза татарского народа также не было

единой точки зрения. Русские летописи, наряду с отождествлением поволжских татар с татарами Золотой Орды, отмечали и болгарские корни казанских татар. Известный русский просветитель Н. Г. Чернышевский поддерживал болгарскую теорию происхождения татарского народа. «Нынешние татары, — писал он, — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батыя и покоренных Батием, как были покорены и русские»¹.

Таким образом, само время диктовало необходимость толкования этой проблемы и со стороны татарских ученых-просветителей. В первых рядах движения за изучение прошлого, истории татарского народа стояли Х. Фаизхан, Ш. Марджани и К. Насыри. Осознав веление времени, они взяли на себя выполнение этой нелегкой задачи, которая была сопряжена со многими трудностями как научного, так и социального характера.

Кто такие татары? Какова этимология этого слова? Многие аспекты этих вопросов остаются спорными в науке до сих пор. Но уже во второй половине XIX в. татарские просветители создали собственные концепции происхождения

татарского народа. Пионером в этой области был Х. Фаизхан.

Он исследовал этногенез болгаро-татарского народа в контексте тюркоязычных народов. Фаизхан собрал материал по истории татар и тюрок, но не успел его опубликовать. В 1863 г. он писал Ч. Ч. Валиханову*: «В эти летние дни я намереваюсь подготовить к печати [книгу] по общей тюрко-татарской истории и, в частности, очень краткую “Историю Казани” — около 10 печатных листов». Только в наше время впервые удалось издать перевод со старотатарского на русский язык действительно небольшой, но емкой по содержанию книги «История Казани»².

Х. Фаизхан, овладев европейской исследовательской методикой исторической науки, создал собственную концепцию происхождения татарского народа. В этой концепции преломились, наложившись друг на друга, образуя некое единство, знание Нового времени и лучшие социологические достижения арабо-мусульманской мысли. Его работы «Три надгробных болгарских надписи»³, «История Казани»⁴, «Касимовское ханство»⁵, а также письма к Марджани позволяют в общем виде представить взгляды Фаизхана на этногенез татарского народа.

В 1862 г. во время поездки в Оренбург и его окрестности Фаизхану удалось обнаружить в селениях Тархан и Урюм три болгарских надгробных надписи, с которых он снял копии. Над их расшифровкой работали Г. Ю. Клапорт, Ф. И. Эрдман, И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, однако для этих ученых недоступной оставалась фраза «джиат джур». Отсюда пошли разночтения в толковании надписей.

В апреле 1863 г. Х. Фаизхан писал Ч. Валиханову: «В этой статье я доказываю: выражение “джиат джур”, встречаемое в болгарских надписях, в основе не арабское, а просто анаграмма [перестановка слов], и на татарском языке выглядит как “джиед джуз” (йите йоз) — [семьсот]»⁶.

* Валиханов Чокан Чингисович (1835-1865), казахский просветитель, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана.

Статья написана Фаизханом на русском языке. В начале каждой из трех глав он указывает место, где был найден камень, каковы его размеры, форма, степень сохранности надписей; приводит или историю села, или легенды, связанные с тем или иным камнем. Затем простым, лаконичным стилем дает перевод надписей на русский язык, их написание арабским шрифтом с огласовками, несмотря на то что некоторые буквы не сохранились и их написание было трудно определить.

В конце статьи Фаизхан критикует перевод «джиат джур» И. Н. Березина⁷ относительно других болгарских эпитафий: «Обыкновенно, — пишет он, — принимают эту фразу за арабскую, переводят ее словами “пришествие угнетения” и, придавая ей смысл особой эры, выводят из числового значения букв год 623»⁸. Дело в том, что этот год связывали с завоеванием монголов (623 г. по хиджре приходится на 1226 г. по христианскому летоисчислению). «По моему мнению, — продолжает Фаизхан, — подобное объяснение едва ли может быть верным. [...] Не следует ли, не вдаваясь ни в какие гадательные предположения, читать просто “джиат джур”, то есть “йите йуз”? [по тюрко-татарски — семьсот]. В пользу моего чтения говорит и обыкновение татар начальное “й” произносить и писать как “ж”, мы встречаем и в словах “жирем (йекерме)”, “жал (йыл)” в моих камнях 2-м и 3-м, а у Березина в 1-м и в некоторых других»⁹.

Далее Фаизхан пишет о влиянии чувашизмов на болгарские эпитафии. «Что касается до буквы “р”, употребленной вместо “з” в слове “жур”, то это можно объяснить и отчасти ясностью (как и в слове “секер”, то есть “секез”) смысла и без точки, отчасти употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени; чувашки же “сень” называют “чюр”. Примеры употребления чувашских числительных слов находим в эпитафии, приведенной г. Березиным на с. 133 и 134-й его статьи “Булгар на Волге”, где встречается слово “туатд”, чувашское “туатта” (четыре), и на с. 129-й: “жиреем туату куен эти” (24-й день был), и в моем камне 3-м: в сло-

вах “биалым” (пять), по-чуваши “пи-алым”; “секер”, по-чуваши “сакхир” (восемь)»¹⁰.

Примеры Х. Фаизхана о числительных в болгарских эпитафиях позволили российским востоковедам сделать далеко идущие выводы о родстве болгарского и чувашского народов. Хотя сам он только обозначил проблему. В 1865 г. Н. И. Ильминский откликнулся статьей на открытие Фаизхана, пытаясь несколько умалить его значение. Он писал: «Статья Хусейна Фейз-Ханова [...] интересна открытием следов чувашского языка в древних магометанских надгробиях. Впрочем, почтенный мулла высказал эту идею не специально, а мимоходом, в объяснении знаменитого выражения “джиат джур”, а потому нерешительно и не полно»¹¹.

Действительно, о влиянии чувашизмов Х. Фаизхан заявил только тезисно. В этом Н. И. Ильминский, несомненно, был прав, поскольку был одним из идеологов чувашского происхождения болгар и подробно разрабатывал свою концепцию. «Чувашский язык, — писал он, — некогда особенный, финский [финно-угорский], впоследствии уже существенно изменился от влияния тюркского языка»¹². Идеи Ильминского воспринял Н. И. Ашмарин, который ставил в заслугу Фаизхану становление своей концепции о болгарском происхождении чувашского народа, основанной исключительно на данных лингвистики. Он писал: «Статья Фейз-Ханова имеет весьма важное значение, так как она первая способствовала установлению более правильного взгляда на язык болгарских эпитафий и в ней мы встречаем первую весьма удачную попытку к объяснению болгарских надписей при помощи чувашского языка»¹³.

Х. Фаизхан обосновал собственную концепцию происхождения болгар, отличную от концепции Н. И. Ашмарина. Он считал, что в сложении казанских татар, одного из потомков волжских болгар, принимали участие как чуваша, так и кипчаки, тем самым признавая родство татар и чувашей, полагая их болгарскими племенами и не соглашаясь с официальной в то время концепцией

о татаро-монгольском происхождении казанских татар. В «Истории Казани» Фаизхан утверждал: «Этот народ [казанские татары], подобно другим болгарским народам, произошел от финнов или в результате смешения финнов с тюрками... Об этом подробно сказано в нашем исследовании о Булгаре (сочинение Фаизхана до сегодняшнего дня остается недоступным науке. — А. Ю.). Они были мусульманами еще во времена государства Булгар»¹⁴. 5 марта 1864 г. Х. Фаизхан писал в письме Ш. Марджани, что взгляды В. В. Григорьева по поводу славянского происхождения населения Булгарии ошибочны, так как свои выводы он делал на основании сочинения Х. М. Френа. «Поскольку когда арабы говорят “саклаб” и “сакалиба” в значении “светловолосые”, то подразумевается общность финнов, или финнов, славян и тюрков. Во-вторых, указанные им обычаи есть и у финнов. Однако сейчас Григорьев отказался от этого своего мнения». Он продолжал: «Я написал одно краткое исследование. Там пришел к выводу, что [в Булгарии] победивший народ — составляющие меньшинство тюрки, а покоренный народ — большинство финны... Значение слова “булгар” [происходит] от “булганмак” в значении смешиваться. То есть это — народ, образовавшийся при смешении тюрков и финнов»¹⁵.

Х. Фаизхан называл и другие народы, сыгравшие определенную роль в сложении болгарского этноса. «Нет сомнения, что башкиры были финнами. По-видимому, остатки хазар после их неоднократного поражения от арабов в Дагестане поднимались вверх по Волге. Тюрки-кипчаки, согласно «Джами аттаварих» (Сборник летописей — А. Ю.), доходившие до Каспийского моря, также поднимались по Волге, вытеснив финнов, возможно, установили власть в Булгарии. Потому имеется взаимосвязь между финским и тюркским языками. Победивший народ тюрки, будучи мусульманами, общаясь с финнами, приводили их в ислам и постепенно финский язык превратился в тюркский, то же [произошло] у башкир и финнов-мусульман. Предположим, жи-

тели Горной стороны — чувашаи, а Заказанья — черемисы (марийцы). Однако не принявшие ислам финны (современные чувашаи и черемисы), хотя и сохранили свой язык, но влияние тюркского языка — сильное. Так что трудно не отнести чувашский язык к тюркским языкам»¹⁶. Интересны рассуждения Х. Фаизхана о мишарах: «По мнению нижайшего раба [Аллаха], наши мишары, будучи по происхождению финнами, все же ближе к мокшам. В древней истории Руси мокши и мишары упоминаются друг за другом. Тогда как чувашаи и черемисы также упоминаются вместе. Мишары, в особенности саратовские, по внешнему виду напоминают мокшей, да и в походке и манерах они похожи на мокшей»¹⁷.

Согласно его взглядам, население Волжской Булгарии было многокомпонентным. Это были кипчакоязычные пришельцы, занимавшие господствующее положение, чувашаи (тюркизированные финны) и башкиры (тюркизированные финны). 27 декабря 1863 г. Фаизхан писал Марджани: «Вы уже приняли мое мнение, что Булгарское государство [составляли жители], в основном сельские, которые не были ни славянами, ни тюрками, а финнами (естественно, среди них были и тюрки; даже возможно, что большинство народа было тюркским). Эту же мысль свою я высказал Григорьеву, и он был согласен со мной. Оказывается, он уже отказался от своего прежнего взгляда. После изучения ранней истории он заявил, что считать их [булгар] славянами невозможно (в трактате, имеющемся у Вас, он предпочтение отдавал славянской принадлежности [булгар]). А сейчас говорит: “Обычай финнов близки к обычаям славян, потому что они жители лесистых мест с суровой зимой”»¹⁸.

«А вот чувашский язык, — писал Фаизхан в “Рисала” (Послание), — очень далек от нашего, но, несмотря на это, чувашаи считают нас родственным народом, по сравнению с русскими. Если бы государь нам разрешил призывать чувашей к исламу, то мы затратили бы всего четверть тех усилий, которые тратят русские для христианизации чу-

вашей. И они давно стали бы истинными мусульманами [...] Причиной этого также является то, что между русским и чувашским языками нет ничего общего, чувашаи считают русских чужими и не хотят следовать за ними»¹⁹.

Но Х. Фаизхан полагал, что чувашский язык под влиянием тюркского значительно изменился. Он отмечал, что в чувашском словаре три четверти слов — тюркские, просто фонетически некоторые звуки трансформировались. Например, в конце слова «з» меняется на «р». Так «йоз, сигез, тугыз» (сто, восемь, девять) у чувашей стало «жур, сикер, тукур». А у черемисского (марийского) языка, по мнению Фаизхана, только одна треть слов — тюркские, остальные — финские²⁰. Таким образом, ученый утверждал, что булгары первоначально были финскими племенами, куда входили чувашаи, черемисы, башкиры, со временем они тюркизировались и фактически превратились в тюркский этнос.

Некоторые современные исследования подтверждают точку зрения Х. Фаизхана на эту проблему²¹. Но единого взгляда на нее не существует²². Есть ученые, которые полагают, что в середине VII в. в причерноморских степях возникло Булгарское государство во главе с Кубратом, состоявшее из конгломерата племен иранского, тюркского и угорского происхождения²³. В конце VII в. началось их переселение на Среднюю Волгу, продолжавшееся в течение двух столетий. Здесь они столкнулись с местными тюркскими, финно-угорскими народами²⁴. Около 980 г., после разгрома Хазарского каганата, булгары объединились в единое государство, в состав населения которого постоянно включались отдельные группы огузско-печенежских и кипчакских племен, а также соседних народов (буртасы, маджары), и где функционировало два языка — собственно булгарский (огурского типа) и булгаро-кипчакский (огузо-кипчакский)²⁵.

Х. Фаизхан не имел возможности делать выводы на основании археологических исследований, как современные ученые. Он базировал их на лингвисти-

ческом анализе источников, эпиграфий и письменных документах. Тем самым Фаизхан одним из первых из татарских ученых обосновал концепцию происхождения татарского народа с ее главной идеей — многокомпонентности этнической основы населения Волжской Булгарии, наследником которой стало Казанское ханство.

Х. Фаизхан написал небольшое сочинение по истории Казанского ханства «Казан тарихы»²⁶. Он считал за короткий период существования ханства в течение двух столетий, которое образовалось в одном из уголков Золотой Орды, не осталось ни одного сочинения. Близкое к русским местоположение государства, внутренняя междоусобица не оставляли надежды на его самостоятельное существование. Гибель ханства была неизбежной. Русские ученые того времени, отмечал Х. Фаизхан, не писали о Казанском ханстве, будто его нет (Кантемир) или боясь, что к нему перейдет могущество Сарая, изображали его историю в черных красках. «А во многих случаях, питая враждебные чувства к татарам и утаивая истину, они специально преподносили их в форме противопоставления одних [сведений] другим»²⁷.

Х. Фаизхан подчеркивал, что в древности Казань находилась в другом месте. По одним легендам, передаваемым путниками Алатской дороги, она располагалась на берегу реки Ашит. Эту местность прозвали «Кала тавы» (Крепость-гора). Однако Фаизхан не доверял этому преданию, поскольку в древности, не без основания замечал он, города строились для защиты. А данное место было открыто с трех сторон, защищено лишь с юга — рекой Ашит. Он привел много доводов в пользу своего мнения. Так, в этой местности должны были остаться тюркские названия деревень, а не черемисские, такие как Бараска, Бараза, Ушката, Атна, Уля, Куек, Кувам Киме. Поскольку это место было западной окраиной татарских поселений, то там должен был быть построен город или крепость. Позже, когда город был разрушен, это место и называли «место прежнего города», а затем оно превратилось в «место Казани».

Большинство казанских мусульман говорит, отмечал Фаизхан, что прежде место нахождения Казани — между севером и востоком на Арской дороге, в месте, называемом «Иске Казан» (Старая Казань), на берегу реки Казанки. Ему ближе эта точка зрения, так как в этом месте сосредоточено множество татарских деревень, сохранились древние надгробные камни, да и само название говорит само за себя. Фаизхан полагал, что еще до прихода в 1445 г. в Казань первого хана Улу-Мухаммеда или его сына Махмуда, когда они объявили о независимости Казанского ханства, Казань уже существовала. Название город получил благодаря особенностям местности, напминавшей казан, то есть котел. Правил в Старой Казани беки и султаны, которые сначала были в подчинении у булгарских, затем у сарайских ханов. При самостоятельном правлении наверняка остались бы монеты, чеканенные в то время, или какие-нибудь документы. «Этот народ, подобно другим булгарским народам, — полагал Фаизхан, — произошел от финнов или в результате смешения финнов с тюрками [...] Они были мусульманами еще во времена государства Булгар»²⁸.

Х. Фаизхан писал, что неизвестно, какого уровня достигли ремесла, торговля, наука в этом государстве. Он не исключал возможности отставания от соседних мусульманских народов, ввиду отсутствия письменных источников. Хотя он отмечал, что существуют интересные тюркские книги, такие как «Бадавам» и «Насихат ас-салихин». Вскоре народ Старой Казани, в большинстве своем финский, смешался с остатками этноса Сарайской Орды, основу которого составили народы Астраханской и Крымской орд.

Он привел два предания русской историографической науки по этой проблеме. Согласно одному из них, в 1437 г. Улу-Мухаммед, изгнанный из Золотой Орды, основал на русских землях г. Белёв. После разгрома войск Василия II добрался до Казани, где его с радостью приняли жители города. Туда стало стекаться население из различных земель Золотой Орды. Эту версию привел рус-

ский историк Н. М. Карамзин (историк основывался на «Казанской истории» — сочинении XVI в., написанном русским священником, жившим 20 лет в плену в Казани и освобожденным в 1552 г. Иваном Грозным).

По другой версии Улу-Мухаммед после основания Белёва в 1439 г. пошел на Москву, но не смог взять город. Затем в 1445 г. зимовал в Нижнем Новгороде. После сражения с князем Василием II, которого пленили, возвратился в Нижний. В этом предании нет ни слова о приходе Улу-Мухаммеда в Казань²⁸.

Х. Фаизхан привел еще одну версию, которая гласит, что Махмуд, сын Улу-Мухаммеда, в 1445 г., выйдя с войском из Курмыша, отвоевал Казань у Галибека. В. В. Вельяминов-Зернов отдал предпочтение второй версии. Фаизхан же придерживался версии, согласно которой в 1445 г. Махмуд основал Казанское ханство и стал первым его правителем. Войн с русскими за время его правления не было.

Х. Фаизхан также описал правление Ибрагима, пришедшего к власти в 1467 г. после своего брата Халила. В его правление татарские беки Абдалмунин и другие написали письмо Касим-хану в Рязань, чтобы он пришел править в Казань. Касим-хан обрадовался этому известию, собрал войско, присоединив значительное число русских воинов, и двинулся на Казань. Ибрагим-хан поджидал его на берегу Волги, не давая перейти реку. Осень выдалась холодной и дождливой, и русские вынуждены были уйти ни с чем. Спустя два года русские вновь послали на Казань войско во главе с воеводой Родновичем, который завоевал и разорил подвластные Казани черемисские земли³⁰. На этом историческое повествование Фаизхана обрывается.

Сведения Фаизхана о Казанском ханстве в основном согласуются с современными данными науки. Достоверно неизвестно, правил ли Улу-Мухаммед Казанью или нет. Известно только, что Улу-Мухаммед, один из потомков Джучи-хана, в 1438 г. был изгнан из Сарая Кучук-Мухаммадом. Он ушел с войском, насчитывавшим три тысячи наиболее близких ему людей, в

г. Белёв, где вступил в сражение с русским войском и одержал над ним победу. Известно лишь, что потом хан захватил Нижний Новгород и организовал поход на Москву. А в 1445 г. произошло новое сражение войск Улу-Мухаммеда с русскими, в результате которого был пленен Василий II, вскоре отпущенный. Возможно, Улу-Мухаммед вернулся в Нижний Новгород. Его сын Махмуд вошел с войском в Казань осенью 1445 г.

Вместо Булгарского улуса в составе Дешт-и-Кипчака или Золотой Орды возникло новое государство, заменившее орду. Махмуд основал новую столицу в Казани, ставшей наследницей Сарая. «План основания Казанского ханства, — писал историк М. Худяков, — можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения и, задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением, и вновь созданное государство оказалось очень могущественным. Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улу-Мухаммеду»³¹.

Совершенно верно отметил величие Казани историк Г. Ахмеров. Он писал: «Торговое значение Великих Булгар и политическое значение Сарая, как правительственного центра Золотой Орды, переходит к Казани»³². В 1445 г. был подписан мирный договор с Москвой. Казань быстро превратилась в один из главных экономических и торговых центров Восточной Европы. По прошествии некоторого времени малочисленные пришельцы из Орды растворились в местной этнической среде, булгар как этноса не стало, и возник новый этнос — казанские татары.

Фаизхан написал небольшое историческое сочинение «Касимовское хан-

ство»³³. Поскольку о Касимовском ханстве в татарских источниках имеются лишь предания, он обратился к русским свидетельствам, согласно которым ханство никогда не было самостоятельным государством подобно другим татарским ханствам. Не все правители Касимовского ханства носили титул хана, те же, кто приобрел его, носили до прихода на русскую землю. Этот титул, в действительности, не имел никакого значения, поскольку он не давал право на чеканку монет, использование своего флага — атрибуты самостоятельного государства³⁴. Ханы назначались на свою должность русскими царями, их власть не передавалась по наследству.

Касимовское ханство было создано русскими как альтернатива Казанскому ханству. Они боялись возрождения былого могущества Золотой Орды в лице Казанского ханства, образованного в 1445 г. С древнейших времен у русских были традиции наделения татарских ханов земельными наделами. «Русские цари, — писал Фаизхан, — противопоставляли могуществу Казанского ханства силу самих татар, созданную ими искусственно. Таким образом, они старались всячески столкнуть эти две силы, а сами занимали стороннюю позицию»³⁵.

Татарским бекам и мурзам жаловались земельные угодья и леса на окраине государства, позволялось собирать налоги с подвластного населения. Одной из таких областей была Мещера, расположенная в Рязанской земле на берегу Оки. Коренными жителями этой области были мишари мусульманской веры и мокши-язычники. Так как первым татарским ханом г. Мещеры был Касим-хан, то русские стали называть его Касимов город, а татары — Хан-Кирман. «Держа в Касимовском ханстве ханов, им [русским] удавалось сеять раздор и смуту в Казани»³⁶.

Х. Фаизхан привел описание биографии первого хана Мещеры — Касима, одного из сыновей Улу-Мухаммед-хана. Основываясь на русских источниках, он писал, что султан Якуб и его брат Касим-хан были знакомы с русским князем Василием II до его восшествия на престол,

поддержав его в борьбе с князем Шемякой. Фаизхан привел факт поддержки Василия II Касим-ханом. В 1449 г. Касим-хан, узнав, что Саид-Ахмад намеревается предпринять военный поход против русских, собрал войско и разбил татарское войско у реки Похра. В 1450 г., когда под Галичем случилось сражение между Василием II и князем Шемякой, в стане войск Василия II были Касим-хан и султан Якуб со своими войсками. В 1452 г. султан Якуб вместе с Иваном, сыном князя Василия, настигли Шемяку у Кокшенги. После 1452 г. султан Якуб в русских источниках не упоминался. Возможно, он умер³⁷.

В 1452 г. (по некоторым данным, в 1467 г.) Василий II ставит Касим-хана правителем Мещеры. В русских источниках, по Х. Фаизхану, нет сведений о деятельности хана после вступления на престол. Лишь в 1467 г., после смерти хана Халила, Касим-хан пошел с войском в сторону Казани. Однако его поход оказался неудачным, и он вернулся ни с чем. В 1469 г. Касим-хан умирает³⁸.

После Касим-хана правил его сын Даниял, о котором в русских источниках почти нет сведений, а далее сын крымского хана Хаджи-Гирея — Нурдаулат, который перешел на службу к русскому царю в 1479 г.³⁹ На этом месте повествование Фаизхана обрывается.

Сведения Фаизхана в основном соответствуют исторической правде, хотя еще до 1382 г. Мещера принадлежала потомкам некоего князя Бахмета, сына Усеинова Ширинского, завоевавшего эту территорию после выхода из Большой Орды⁴⁰. Крымский род Ширинов играл видную политическую роль в Касимовском ханстве вплоть до его ликвидации. Вполне вероятно, что существовали связи исторической Мещеры с южными районами Золотой Орды. Не случайно в районе рек Ломовы, Инсарка, Атемарка и Норсунка проходила Крымская дорога⁴¹, а территорию южнее г. Нижний Ломов в писцовых книгах называли «Крымскою стороною»⁴². Видимо, оправданно Василий II отдал Мещеру Касим-хану, поскольку там уже была тюркская общность.

В. В. Вельяминов-Зернов отмечал, что Касимовское ханство было создано «для борьбы с Казанским ханством. Тут был прямой расчет — царька, родственника хана Казанского, всегда, когда угодно, можно было напустить на Казань, не принимая на себя ответственность за его поступки»⁴³. Это ханство выполняло и оборонительную функцию Русского государства, поскольку в те времена земли тамбовские, пензенские и нижегородские являлись наиболее уязвимыми для нападений татар. Поэтому по всем стратегическим и тактическим расчетам был выбран городок Мещера. Он и был передан касимовским царевичам⁴⁴. Подобные меры Русского государства вполне отвечали целям расширения территории, становления империи. Проводя такую политику, русские цари сеяли среди жителей Казани и Астрахани междоусобицу и раздор.

Правителями Касимовского ханства назначались по усмотрению Москвы представители татарской знати, принявшие русское подданство. Некоторые из них играли видную роль. Эти земли сохраняли автономию более 200 лет, вплоть до завоевания Крыма и окончательного усмирения татар. Только к 1681 г. Касимовское ханство прекратило свое существование как самостоятельная единица в рамках российской государственности. Необходимость в служилых татарах отпала, поскольку Касимовское ханство давно уже перестало быть буфером между Москвой, Казанью, ногаями и Крымом. Русские границы к тому времени достигли Китая⁴⁵.

По-видимому, рукописные исторические исследования Х. Фаизхана использовал Ш. Марджани при написании двухтомного сочинения «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгара) и библиографического словаря «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам), на что указывает

Ш. Шараф. По его наблюдениям, в архиве Марджани хранилось до 200 страниц текста по истории, написанного Фаизханом⁴⁶. Г. Губайдуллин также отмечал, что среди материалов Марджани были тексты по истории, написанные рукой Хусаина Фаизхана⁴⁷. С небольшими изменениями и частичными добавлениями рукописное сочинение Х. Фаизхана «Касимовское ханство» вошло в первый том «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Ш. Марджани⁴⁸.

Идеи Х. Фаизхана по проблеме этногенеза татарского народа на более высокий уровень поднял Ш. Марджани, который доказал преемственность культуры Волжской Булгарии и Казанского ханства. Он полагал, что тюркские племена, именуемые в арабских письменных источниках как хазары, потерпев поражение от арабов и поднявшись вверх по Волге, ассимилировали слабые по сравнению с ними в культурном и военно-политическом отношении финские племена и создали на их территории свое государство⁴⁹. Ш. Марджани утверждал, что булгары и соседние тюркские племена, потерпев поражение от татар, утратили свой этноним «булгары» и стали именоваться татарами⁵⁰. Некоторые современные ученые подтверждают выводы Марджани⁵¹. Хотя в настоящее время существует и иная концепция, в основе которой лежит признание более широких тюрко-татарских этнокультурных корней татарского народа (пришлые монголо-татарские, булгарские и кыпчакские элементы)⁵².

Концепция Хусаина Фаизхана по проблеме этногенеза татарского народа оказала влияние не только на татарское общество, но и проникла в русскую среду, развенчивая миф о тождественности казанских татар и пришлых татаро-монгол. Его обращение к этой проблеме способствовало пробуждению национального самосознания татарского народа, осознанию им национального единства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. — М., 1951. — С. 245-246.
2. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие. Историко-документальный сборник / Сост. Д. Мухетдинов. — Нижний Новгород, 2008. — С. 58-69.
3. Фейз-Ханов Хусейн. Три надгробных булгарских надписи (с тремя таблицами снимков) // Изве-

- ствия Императорского археологического общества. – СПб., 1863. – Т. 4. – С. 395-404.
4. Казан тарихы. – Национальная библиотека Республики Татарстан, отдел рукописей и редких книг, № 1949.
 5. Там же.
 6. Хөсәен Фәезханов. Тарихи-документаль жьентык / Төз.-авт. Р. Марданов. – Казан, 2006. – Б. 441.
 7. Березин И. Н. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета за 1852 г. – Казань, 1852. – Кн. III.
 8. Фейз-Ханов Хусейн. Указ. соч. – С. 404.
 9. Там же.
 10. Там же.
 11. Ильминский Н. И. О фонетическом соотношении между чувашским и тюркскими языками // Известия Императорского археологического общества. – СПб., 1865. – Т. 5. – С. 80.
 12. Там же. – С. 84.
 13. Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. – Казань, 1910. – С. 69.
 14. Хусаин Фаизханов. Жизнь... – С. 63.
 15. Фэхреддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан // Шура. – 1916. – № 18.
 16. Там же. – № 17.
 17. Там же. – № 18.
 18. Там же. – № 17.
 19. Хусаин Фаизханов. Жизнь... – С. 46.
 20. Фэхреддин Р. Хусаин эфенде Фаизхан... – № 17.
 21. Очерки по этнографии народов СССР. – М., 1962. – С. 54; Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М., 1978.
 22. Хузин Ф. Историографический обзор // История татар с древнейших времен в 7 томах. – Казань, 2006. – Т. II. – С. 19.
 23. Рашев Р. Великая Болгария // История татар с древнейших времен в 7 т. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 44.
 24. Багаутдинов Р., Хузин Ф. Ранние булгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен в 7 т. – Казань, 2006. – Т. 2. – С. 116-117.
 25. Исхаков Д. М. Основные теории этногенеза и важнейшие этапы этнической истории // Этнография татарского народа. – Казань, 2004. – С. 26, 28.
 26. Казан тарихы. – Национальная библиотека Республики Татарстан, отдел рукописей и редких книг, № 1949.
 27. Хөсәен Фәезханов. Тарихи-документаль... – Б. 229.
 28. Там же. – С. 232-234.
 29. Там же. – С. 235-238.
 30. Там же. – С. 239-241.
 31. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Москва, 2001. – С. 32.
 32. Ахмеров Г. Избранные труды. – Казань, 1998. – С. 72.
 33. Касимовское ханство. – Национальная библиотека Республики Татарстан, отдел рукописей и редких книг, № 1949.
 34. Хөсәен Фәезханов. Тарихи-документаль... – Б. 242-243.
 35. Там же. – С. 243-245.
 36. Там же. – С. 245-247.
 37. Там же. – С. 248-250.
 38. Там же. – С. 250-251.
 39. Там же. – С. 251-252.
 40. Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарах) // Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Серия историческая. – Саранск, 1963. – Вып. 24. – С. 68-69.
 41. Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. – Саратов, 1986. – С. 13.
 42. Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. – Казань, 1993. – С. 98.
 43. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – СПб., 1863. – Ч. I. – С. 7.
 44. Там же. – С. 148.
 45. Сенюткин С. Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). – Нижний Новгород, 2009. – С. 38-39.
 46. Мәржани. – Казан, 1915. – Б. 114.
 47. Там же. – С. 349.
 48. Марджани III. Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. – Казань, 1897. – Т. I. – С. 138-146.
 49. Там же. – С. 20.
 50. Там же. – С. 50.
 51. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. – Казань, 1989. – 223 с.
 52. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV вв. – Казань, 2000. – 136 с.

Айдар Юзеев,
доктор философских наук

